

Натали КЕНТЕН,
писательница

«ПАРИ-МАТЧ», ПАРИЖ.
СОФИ МАРСО назначила мне встречу в кафе «Флора», очевидно, стремясь этим подчеркнуть, что интервью не имеет ничего общего с кампанией «раскрутки» нового фильма с ее участием — «Свет огня» Уильяма Николсона, где она играет ммурую и очень упрямую женщину, в конце концов добивающуюся своего. Актриса не производит впечатления романтической особы, а на вопрос, почему согласилась на эту встречу со мной, в то время как ее внимание добиваются известные писатели-профессионалы, прямо ответила: «Надоели одни и те же лица, представляющие одну и ту же «тусовку», которым все равно, что перед ними — популярная телезвезда или начинающая киноактриса». По-настоящему в жизни ее занимает только кино, желание встретить сильного режиссера, ну и, конечно, семья — польский кинематографист Анджей Жулавский, с которым она не расстанется с тех пор, как узнала его в 17 лет, и их сын Венсан.

— В 12 лет я чувствовала себя счастливой. Вообще «доподростковый» возраст, где-то с 9 до 12 лет, кажется мне самым лучшим временем в моей жизни. У меня была куча друзей, и мы отлично проводили время. Почти всех я уже потеряла из виду, но приятно сознавать, что они есть. В мире кино мне так и не удалось завести таких же верных друзей.
— Какую музыку вы тогда любили?
— Нейла Янга, Максима Ле Форестье. Я наряжалась в просторные белые рубашки своего дедушки. 70-е годы — какое гениальное время! Время потрясающей музыки, почему. Я жила тогда в маленьком городке, и окна моей комнаты выходили на окружную автостраду. Но все-таки главное место в той жизни занимали именно друзья. Потом, с годами, все как-то изменилось, и мои приятели уже не могли говорить ни о чем, кроме приближающихся экзаменов... А сегодняшние девчонки слушают всякое убожество, сентиментальную муру. Вообще молодежь сейчас какая-то бесхребетная. В нас было больше идеализма.
— А что с вами стало потом?
— Потом начались всякие сложности. Я пережила период большой растерянности. Слишком огромным оказалось то, что на меня свалилось, слишком много опасностей это таило в себе (Софи Марсо говорит о шумном успехе фильма «Бум»). Новая жизнь обрушилась на меня, забросила в систе-

очень скучное, даже если без конца переключать каналы. Оно одновременно и назидательное, и инфантильное. В отличие от кино, дающего полную свободу самовыражения. Здесь проблема в другом, а именно в деньгах, которые царствуют над этим миром. Вот почему кино далеко не всегда остается искусством. Я бы даже сказала, что кино только иногда «случайно» становится искусством. Например, фильм «Таксист», который я недавно еще раз посмотрела: какая великолепная работа Де Ниро! Какая гармония между актером и режиссером! Именно в таких случаях, когда мы видим действительно выдающихся мастеров, кино превращается в нечто интересное. Де Ниро сумел ухватить что-то такое, чему нет места в реальной действительности. Он избрал особое состояние и на его основе создал своего героя.
— Иными словами, он превратился в художника? Или все-таки остался актером?
— Нет, художник — это совсем другое дело. Художнику для самовыражения необходимы кисть или карандаш. Актер же имеет в распоряжении лишь самого себя.
— А режиссер?
— Что касается

Звезда

Француженка Софи Марсо

му, где нельзя отсутствовать, где не имеешь права на ошибку. Не могу сказать, что я специально размышляла над этим, но все же сознаю, что мне предстоит что-то сделать в кино, уже тогда поселилось во мне. В 14-15 лет я уже ездила в Японию, работала с 7 утра до 11 вечера, без конца встречалась с телевизионщиками и позировала газетным фотопортретам. И при этом ни слова не говорила по-английски! Одновременно продолжала жить в своем пригороде и ходить в школу. У меня не было ни агента, ни пресс-секретаря, никого!
Сегодня начинающие актрисы сразу попадают в гораздо более налаженную систему отношений.
— Можно сказать, вы в какой-то степени проложили для них дорогу?
— Да, конечно.
— Тем не менее складывается впечатление, что сегодня идет процесс инфляции молодых дарований. Чуть ли не каждый месяц рождается новая звезда... Раньше было не так?
— Отнюдь. И тогда, и теперь звезды, о которых вы говорите, исчезают с горизонта с одинаковой быстротой. У меня хранится одна фотография, снятая в те годы, на ней нас человек двадцать. Из этой двадцатки сегодня в кино осталось лишь двое! Это немного напоминает ситуацию, существующую на телевидении. Телезвезд публика забывает мгновенно. Пока нам показывали их ежедневно, мы вынуждены смотреть на них, причем смотрим, на самом деле как бы не видя, как на мебель. Знаете, у меня недавно умерла собачка. Вот только что она была здесь, и вдруг ее не стало. И что же? Никто этого просто не заметил.
— Вы хотите сказать, что телезвезды напоминают вам собачек?
— Именно так. Мы их любим, заботимся о них, восхищаемся. Телевидение может быть прекрасным средством информации, но в основном оно занято тем, чтобы заполнить наше с вами время, то есть развлечь зрителей. Я же мало смотрю телевизор. Во Франции телевидение

вечной части, то, конечно, он соиздатель. Режиссер — это своего рода локомотив. Сам он ничего не везет, зато тянет за собой вагоны, груженные золотыми слитками.
— Когда-то многие заявляли, что кино умирает...
— Как это умирает? Кино продолжает развиваться! Взгляните хотя бы на молодое «фронтки»! Просто все в мире меняется. Все больше появляется огромных залов, в которых демонстрируются широкоэкранные фильмы (актриса широко развела руки). Во Франции наше спасение я вижу во владениях маленьких кинотеатров, которые по-настоящему любят кино и не боятся закупать некоммерческие фильмы.
— Что вы думаете о польском кинематографе?
— Он располагает некоторыми финансовыми средствами, хотя и не такими уж большими. Снимают нечто похожее на американские триллеры или фильмы в жанре «человеческой комедии», основанные на польских реалиях. В правительстве очень большой вес заполучили католики нового направления, которые диктуют сейчас многие решения. Еще полгода назад в министерстве культуры управляли бывшие коммунисты-аграрии. Для них слово «культура» связывалось исключительно с фольклором и праздничными представлениями...
— Примерно того же добивается и Национальный фронт на юге...
— Верно. Лично меня больше всего удивляет реакция молодежи, тех, кому сегодня 20 или около того. Почему они не протестуют? Я вовсе не призываю к революции, но все-таки они могли бы как-то проявить себя. Лидеры Национального фронта уже и из Жанны д'Арк готовы, подобно этому мерзавцу Петэну, соорудить пропагандистский штамп. Но по какому праву?
— Каким образом актриса кино может сегодня заявить о своей ангажированности?
— Но я вовсе не чувствую себя ангажированной! Все, что я делаю, я делаю по велению сердца, не раздумывая. Поэтому я взяла шефство над ассоциацией «Радуга», которая занимается выпол-

нением заветных желаний тяжелобольных детей. Какие потрясающие люди в ней работают, и какую битву они выдержали!
— Как вы психологически воспринимаете собственный экранный образ?
— Знаете, я даже смотрела в словаре значение слова «шизофрения», но объяснение меня не удовлетворило. Не знаю... Это немного напоминает состояние человека, постоянно отчитывающегося перед самим собой.
— Если бы вы могли внести коррективы в живущий помимо вас образ, что именно вы бы в нем изменили?
— Я бы постаралась, чтобы мои киноработы стали еще лучше! Да-да! Многие роли просто недоделаны, чего-то я во время съемок не понимала. Иногда, просматривая некоторые свои фильмы, я говорю себе: «Софи, как ты только могла?!» Как будто я опять плохо приготовила уроки!

Впрочем, у меня имелись и смягчающие обстоятельства.
— Кино, по-вашему, это экзамен?
— Да, в какой-то степени. Хотя я и не знаю, что такое экзамены. Никогда их не сдавала.
— Не ощущаете ли вы себя «обреченной» всегда сниматься в звездных фильмах?
— Скорее я чувствую большое желание все начать с нуля, заново научиться своей профессии. Вот почему я и согласилась сняться совсем в небольшой роли в американской экранизации «Сна в летнюю ночь». Какое счастье играть Шекспира!
— Не хотите ли вы сказать, что начало вашей карьеры оказалось слишком легким?
— В этом никогда не отдаешь себе отчета. Ты просто становишься частью какой-то системы. И тобой постепенно овладевает мания совершенствования в ее рамках, пока наконец не начнешь превращаться в какого-то монстра или робота. Абсолютно все запрограммировано: каждый взгляд, каждый жест. В этом таится серьезная опасность. Зато шесть или семь лет назад мне довелось сыграть в чрезвычайно интересной театральной постановке «Эвридики», осуществленной режиссером Джорджем Уилсоном. Он очень тонко и тактично направлял меня.
— Теперь вы хорошо говорите по-английски?
— Да. И знаете, что мне помогло? Необходимость полонгу вариться в новой для меня языковой среде — польской. Это оказалась отличной школой. Оказывается, чем больше языков знаешь, тем легче они даются.
— Ну, а сами вы часто испытываете удовольствие от своей игры?
— К сожалению, нет. Если и говорить об удовольствии, то об очень горьком. Мне эта ситуация вовсе не нравится. Пока я еще не почувствовала настоящую радость от сознания того, как мною «руководят».
— Таким образом, вы полагаете, что французские режиссеры руководят актрисами так, что последние испытывают не радость, а горечь?

— Нет, я ведь говорю лишь о себе. Просто именно сейчас я воспринимаю происходящее только так. И потом, были случаи, когда мною вообще не руководили, например, на съемках фильма «Анна Каренина». Собственно говоря, я и не жаждала никакого «руководства», так как примерно и так знала, что нужно делать.
— Какие режиссеры вам больше нравятся: властные и требовательные или дающие вам полную свободу действий?
— Если власть режиссера имеет под собой идейную основу, если он мыслит быстрее, чем я, то я ничего не имею против. Ведь режиссер — это человек, который и должен думать быстрее всех на свете. В кино каждый привносит свое, но режиссерские идеи должны на 10 метров опережать идеи всех остальных. Мне сейчас как никогда нужен хороший режиссер. Я крупно просчиталась, когда решила, что могу обойтись и без режиссера. В результате этой ошибки появился на экранах фильм «Маркиза».
— Кто же конкретно из режиссеров способен думать быстрее вас?
— Антониони, даже постаревший и уставший. И, конечно, мой Анджей. У него самый стремительный ум на Западе!
— А работать в ленте «Полиция» вам понравилось?
— Я тогда снималась в фильме «Странная любовь». Это была безумная, сумасшедшая работа, превращавшая от меня наилучшей формы. По ночам шли съемки «Странной любви», а днем я летела на съемочную площадку «Полиции». Я поняла тогда, что во мне таится огромный запас сил, который проявляется, если много природную непоседливость заключить в определенные рамки. Кино — это такое око, которое рассматривает тебя в упор, отмечая малейшие проявления чувств. Говорят, моя роль в «Свете огня» получилась удачной, потому что я играю «сдержанно».
— Вам нравится этот фильм?
— Да. Это первая работа Уильяма Николсона, хотя раньше он много писал для разных киностудий. Сейчас он занимается монтажом картины; готовит ее к показу в США.
— Вы играете в этом фильме гуввернантку, пытающуюся развлекать своего ребенка, которого она несколько лет назад ради денег родила от богатого человека. И тут она выясняет, что ее дочь превратилась в семью в настоящую царицу. А вы как считаете, ребенок и должен царствовать в семье?

— В первое время после рождения, конечно! И в дальнейшем он должен ощущать себя центром семьи, но в то же время научиться сознавать, что он живет в обществе с определенными правилами, поэтому должен эти правила уважать. Главное же, на мой взгляд, чтобы между ребенком и взрослым существовало взаимопонимание, своего рода «обратная связь». Это ведь и делает их отношения такими интересными. Мы с Венсаном любим и уважаем друг друга и ни разу не расставались больше чем на две недели. Правда, сейчас я буквально живу в самолете, без конца перелетая из Варшавы в Лос-Анджелес, Париж, Тоскану... С ним все время его няня, очень милая польская девушка.
— Венсан так и останется единственным ребенком или у него все-таки появятся сестренки?
— Все вокруг торопят меня завести второго ребенка, но я пока не могу сказать, что этот вопрос включен в повестку дня...
— У вас остается время для чтения?
— Я постоянно что-нибудь читаю, хотя и понемножку. Мне баснословно повезло! У меня великолепный советчик — Анджей, который, кажется, прочитал все книги на свете. Я еще не встречала такого же эрудированного человека, как он. Когда совсем не остается времени на книги, я слушаю в машине изумительные песни Лео Ферре на стихи Арагона. Они действуют на меня удивительно благотворно, снимая накопившееся напряжение. Его столько, что в моем присутствии ломаются все электроприборы! Вчера, например, телевизор вдруг принял самостоятельно переключаться с канала на канал!
... Мы выходим из кафе «Флора». На улице Софи Марсо останавливается напротив небольшой картинной галереи, в витрине которой выставлены яркие полотна, выполненные в стиле примитивизма. Актриса тут же вспоминает, что недавно предложила крупному парижскому издателю выпустить иллюстрированную книгу для детей, но получила отказ под предлогом, что «портфель забит вплоть до 1999 года». Потом она называет два своих прежних парижских адреса, а на мой вопрос, не собирается ли вернуться на родину навсегда, отвечает, что еще не решила. Все будет зависеть от Венсана, которому пора в школу. Сейчас она как раз досконально изучает сравнительные достоинства французских и польских школ. Потом рассказывает о Жулавском, которому не дают денег на съемки, о том, что сейчас он ставит в Варшаве оперу. Разговор переходит к семье ее мужа, отличившейся в годы польского Сопротивления, а затем, в конце 1960-х годов, вынужденной эмигрировать. Возвратившись на родину, в аэропорту они были встречены вооруженными солдатами. «Это было еще до падения Стены, и обстановка оставалась суровой и напряженной». Внезапно Софи переводит разговор, замечая, что хотела бы купить мой первый изданный роман, но... книжные лавки сегодня закрыты. У людей свои заботы. На улицах продают цветы, а в витринах киосков с обложек журналов кричат тревожные аршинные заголовки. Мы договариваемся, что лучше я вышлю ей новый роман Юбера Люко «Укрившие оргазм», повествующий о страданиях нерешительного человека, переезжающего из города в город и нигде не находящего себе места, потому что всюду его догоняет назойливая современность...

Домашнее фото с одним условием

Бенуа ЖИЗАМБЕРГ

Софи открывает мне дверь своего номера. Гостиница, в которой она живет в Лос-Анджелесе, называется «Мечта». Актриса похудела и как будто стала выше ростом, но улыбка по-прежнему озаряет ее лицо. Софи Марсо впервые дала согласие на домашнюю фотосъемку, поставив при этом одно лишь условие: позировать она не будет. Это значит, что мне придется изворачиваться, чтобы схватить интересный ракурс.
Первое, что бросается в глаза, оживляя стандартную обстановку обычного гостиничного номера, это несколько фотографий, развешанных вокруг зеркала и освещенных пламенем горячей свечи. Со снимков глядят Анджей Жулавский, польский кинорежиссер, с которым Софи вместе с 17 лет, и их сын Венсан по прозвищу Бибо. Вся эта конструкция немного напоминает языческий алтарь. Софи признается, что ждет звонка из Варшавы. У «малыша», как она называет сына, поднялась температура, и ей надо бы находиться рядом с ним. Десять дней в Лос-Анджелесе пролетят быстро: интересно, встречи с фотожурналистами... Чтобы развлечь журналистов, Софи произносит несколько слов по-японски. Видно, что магия японской речи доставляет ей и ей самой незазанное удовольствие. Иногда она помогает себе жестами, и лицо у нее при этом обретает неповторимый шарм.
Несколько дней спустя мы встречаемся снова, на этот раз уже в Варшаве. Они с Анджеем назначили мне встречу в маленьком кафе неподалеку от старого города. Здесь Софи Марсо для всех — пани Жулавская, член «Яны» старинной семьи польских интеллигентов, пролавибовавшая в политике, литературе и искусстве. Софи обихает бродить по варшав-

ским улицам, разглядывая немножко старомодные витрины. Живет она в 15 минутах езды от центра, в крохотном поселке, расположенном прямо в лесу. Таксист, который отвозит меня туда, уверяет, что здешний воздух куда лучше, чем в самой столице.
К дому Софи и Анджей ведет узенькая тропинка. На втором этаже — просторная гостиная с отгороженной кухней. На стенах — картины, главным образом современных мастеров. Телевизор, возле которого пристроился Бибо, скромно притаился в уголке, не посягая на царство книг. Близость кухни позволяет Анджее наблюдать прямо из отличающегося идеальным порядком кабинета за тем, как готовится обед для Венсана. Пристрастие режиссера к деталям распространяется и на область гастрономии. Анджей рьяно защищает польское сельское хозяйство, производящее «лучший в мире картофель». А затем угощает меня бульоном собственного приготовления и отварным мясом с хреном.
Спальни расположены на третьем этаже. Последний этаж — это владение Софи. Бывший чердак площадью около ста квадратных метров теперь оброс застекленными балконами, сквозь которые щедрыми потоками льется солнце. Здесь порядок заявляет о себе уже не так категорично. Так же много фотографий, книг и рукописей. Прямо на полу разложены иллюстрации к детской книжке, которую мечтает издать Софи. Это собственное ее сочинение — сказка про тучку. Сейчас она по-польски обсуждает с художником рисунки. Вся обстановка дышит спокойной радостью творческого труда. Да, в этом доме вполне хватает места для трех независимых личностей — царствующего сына и его родителей, взыскательных к себе художников.